

ЮРИЙ ДЬЯКОНОВ

Обещание сердца

ПОВЕСТЬ ИЗ СБОРНИКА
«ТРИНАДЦАТЬ ТОВАРНЫХ
ВАГОНОВ В СИБИРЬ»

Юрий Дьяконов
Обещание сердца

«Издательские решения»

Дьяконов Ю.

Обещание сердца / Ю. Дьяконов — «Издательские решения»,

Настоящее обещание нельзя нарушить. Даже смерть не разорвет договора между двумя сердцами. Вторая мировая в разгаре. Маленькой девочке нужно не только выжить, когда всё вокруг против, но и не забыть, кто она такая.

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Обещание сердца
Повесть из сборника «Тринадцать
товарных вагонов в Сибирь»
Юрий Дьяконов

© Юрий Дьяконов, 2016

© Александра Короткова, перевод, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаются Софи Шолль

Её последние слова: «Как мы можем ждать торжества добродетели, когда практически никто из нас не готов пожертвовать собой ради правого дела. Я ухожу в такой прекрасный солнечный день. Но что моя смерть, когда тысячи людей пробудились и готовы действовать?»

Софи Шолль – немецкая студентка двадцати двух лет, которая возглавила ненасильственное антигитлеровское сопротивление и была приговорена к смертной казни на гильотине.

Часть первая

Йоахим фон Аугсбург помнил свою присягу на верность Адольфу Гитлеру: «Клянусь перед Господом Богом беспрекословно подчиняться вождю Германской империи и всего немецкого народа, верховному главнокомандующему вооружённых сил Адольфу Гитлеру и, будучи храбрым солдатом, с готовностью отдать свою жизнь во исполнение данной клятвы». Но было это в 1934 году, когда Красная армия казалась лишь далёким призраком, угрозой, которая ещё не обернулась яростной военной машиной из плоти, крови и металла. Йоахим фон Аугсбург дал клятву десять лет назад и с тех пор верно служил фюреру каждой клеточкой своего существа. В его характере была властность, аккуратность и точность. Этим отличались все члены особых карательных отрядов СС – Айнзацгрупп. Он отдал должное службе, начав карьеру унтерштурмфюрером СС в 1933 году, постепенно взбираясь по лестнице всё выше и выше и достигнув звания оберфюрера незадолго до начала Второй мировой войны.

Йоахим фон Аугсбург носил это звание уже четыре года, тогда как младшие собратья по СС успели дорасти до генералов. Мечты были раздавлены русскими. Если бы его не отправили в Прибалтику с постыдным заданием ликвидировать в Литве всех недочеловеков, появился бы шанс сражаться как истинный арийский воин. В глубине души оберфюрер знал, что представься ему возможность проявить отвагу в настоящем бою, он мог бы удостоиться Большого Железного Креста. А что докажешь в Вильнюсе, охотясь за крысами в человеческом облики?

На три года Вильнюсское гетто стало владениями Йоахима фон Аугсбурга. Под его личным руководством и с божьей помощью на подконтрольной фашистам территории Рейхскомиссариата Остланда сорокатысячное население еврейского гетто было сведено практически к нулю. Но человек, одержимый мелочами, не мог успокоиться, не достигнув безупречного результата. Оставалось ещё несколько сотен выживших. Они скрывались главным образом в лесах, окружавших город, объединялись с советскими партизанами и изредка находили убежище у сочувствующих местных жителей. Оберфюрера охватывало неодолимое чувство опасности, стоило лишь представить, как однажды еврейский партизан встретит немецкого солдата на равных, лицом к лицу и с винтовкой в руках.

Вечерний дождь вперемешку со снегом бил с восточной стороны. Литовский патриот Мантас, по шиколотку в ледяной грязи, держал зонт над Йоахимом фон Аугсбургом, стоявшим на специально подготовленном деревянном настиле. Офицер СС всячески избегал контакта с грязью, окружавшей ров. Копали его для тех, кого коснулось окончательное решение еврейского вопроса. Унылый ноябрьский день приближался к вечеру. А до наступления сумерек нужно ещё уничтожить сто двадцать врагов Третьего рейха. Так что ров должен вместить всех мёртвых и метровый слой земли. Йоахим фон Аугсбург считал совершенным варварством беспорядочный отстрел людей из пулемёта и неизбежную асимметричную свалку трупов в канаве. Этим славились бойцы украинской дивизии СС «Галичина» и готовые на всё литовские добровольцы. И те и другие быстро справлялись с грязной работой. Однако в присутствии Йоахима фон Аугсбурга, даже под угрозой нападения Красной армии, освобождавшей Прибалтику, все массовые расстрелы проводились методично. В конце концов, Йоахим фон Аугсбург был арийцем, а не фанатичным украинским человечишкой второго сорта, готовым ради своих целей стать подмастерьем высшей расы.

Немецкий офицер наблюдал за всем с привычным бесстрашием, фиксируя в голове данные о длине, ширине и глубине рва, который вот-вот примет в себя 120 трупов. Среднего размера тело без гроба должно свободно уместиться в могиле шириной в метр и глубиной в два, чтобы полтора метра земли покрывали останки. В нынешних условиях подобные приготовления слишком неэффективны и времязатратны. Существа, лишь отдаленно напомина-

ющие настоящих людей, этого не достойны. Оберфюрер СС ожидал, что ещё до заката выроют сорокаметровый ров, способный вместить три ряда трупов, уложенных как селедки в банке. Если бы он командовал исключительно немецкими солдатами, личное присутствие было бы излишним. Однако приходилось иметь дело с бандой украинских красноармейских дезертиров да местных перебежчиков, одетых в форму СС, которые прикидывались частью вооруженных сил Третьего рейха. Йоахим фон Аугсбург находил сладкую иронию в том, что эти дворняжки из Литвы, Эстонии, Латвии и Западной Украины ненавидели русских, и особенно евреев, больше, чем немцев. Своими немощными мозгами они думали, будто убивают двух зайцев одним выстрелом: помогают освободить свои страны от русских оккупантов и их жидовских комиссаров. Оберфюрер СС неохотно принял предложение этих добродетелей, радуясь лишь тому, что «наёмная сила» давала возможность солдатам вермахта сражаться с Красной армией на всё ближе подступавшем фронте.

Йоахим фон Аугсбург вынул из кармана носовой платок, протёр очки и надел их на свой заметно выдающийся нос. Литовец Мантас, державший зонт над чёрной эсэсовской фуражкой Аугсбурга, поднял голову и заглянул в голубые глаза немца, подавляя в себе желание спросить, к чему такая суета вокруг обыкновенной канавы. Он знал, что не стоит подрывать авторитет человека, который носит на кокарде череп с костями. Оскал «Мёртвой головы» напоминал, что этот офицер готов поставить на карту собственную жизнь ради блага своего фашистского государства.

– Ваши труды не напрасны. Когда закончим, земля должна выглядеть нетронутой. Метр-полтора грунта, чтобы всё выровнять, затем кусты и полевые цветы, чтоб слилось с окружающей средой. Этот ров не должен стать местом поклонения каких-нибудь глупцов. Пусть одни боги знают о нём и вознаградят нас за благородный поступок. А теперь, парни, налегли на лопаты. Шевелитесь, у нас полно корма для червей!

Он отёр брызги с козырька и «Мёртвой головы» на кокарде, поправил фуражку и высморкался. Мантаса трясло от страха и зависти. Он услышал, как за хозяйственными тентами оставались тяжёлые грузовики, наверное, специальные крытые Круппы. В нейтральном положении их моторы работали на неестественно высоких оборотах. Мантас видел процедуру много раз, но не мог дожидаться следующей стадии окончательного решения еврейского вопроса. Людей в закупоренном кузове травил угарным газом, который поступал через трубу из-под моста грузовика. Самые везучие умирали уже там, остальные находились в полусознательном состоянии и больше не могли сопротивляться. Мантас дивился изобретательности фашистов, особенно способности Йоахима фон Аугсбурга методично применять принцип бритвы Оккама. Согласно ему всегда нужно искать самое простое решение сложной проблемы.

– Schnell, Schnell, Schnell, – и все должным образом реагировали на команды главного хореографа. Начинался танец, каждый участник которого знал свою роль на зубок. Не заглушать мотор; доставать по пять одурманенных, умирающих или мёртвых жидов; тащить, нести или толкать их к краю рва; всадить живым по пуле в затылок. И оберфюрер Йоахим фон Аугсбург находился здесь не в качестве наблюдателя, а как участливый немецкий офицер, гарантирующий жертвам, что «наёмная сила» не проявит излишней жестокости. Украинские и литовские новобранцы СС понимали, что плевков, ругани, угроз, побоев, изнасилований и воровства здесь не потерпят. Наказание – расстрел на месте оберфюрером лично. В конце концов, он был в первую очередь аристократом, затем джентльменом и уж потом немецким офицером. Окончательное решение еврейского вопроса не подразумевало предварительных попыток, а было призвано уничтожить вид, угрожавший выживанию арийской расы. Разве мы пытаем насекомых? Этот риторический вопрос подразумевал однозначный ответ. Конечно, нет.

Проблемы были. Совершенства нет ни в чём. Шёл сильный дождь, молнии безжалостно рассекали небо, ров заполнялся водой, грязь замедляла казнь. Те евреи, что остались в сознании, особенно женщины с детьми, пытались бороться, пока их подталкивали к скольз-

кой канаве. Они видели, как солдаты укладывали тела и тут же понимали, что происходит. Йоахим фон Аугсбург решил, что у заключённых слишком много времени думать, и это только продляет муки. Когда очередная партия стала кричать, он достал свой парабеллум Люгера и застрелил женщину с ребёнком, пока не распространилась паника. Их тела сползли по склону в окровавленные руки украинских рекрутов. Там, через вязкую жижу из грязи, крови и испражнений, трупы оттащили к месту упокоения. В очередной раз оберфюрер Йоахим фон Аугсбург учил других собственным примером. Подчинённые приняли руководство к действию. Малейший всхлип сопровождался выстрелом в основание черепа. Одежда солдат насквозь пропиталась брызгами крови, мозговым веществом и осколками костей, что дурно влияло на общий настрой. По крайней мере, присутствие немецких офицеров не давало им распускать сопли. Для психического здоровья людей, ответственных за проведение казни, это было бы губительно.

Нужно признать, два часа выдались непростыми для всех, к тому же погода ни к чёрту. Всё шло к тому, что ещё один слой тел аккуратно заполнит пустующий угол прямоугольного рва, и можно будет закончить дело уже без офицера Аугсбурга. Он был измотан, эмоционально выжат, к тому же замерз и хотел есть. В особняке мэра его ждал ужин с женой и двумя маленькими дочерьми. Все шло чётко по плану. То там, то тут случались мелкие неувязки, но разбираться с ними должен Мантас, державший зонт верный литовец. Что же до самого оберфюрера, оставалось лишь сделать запись в книге учёта, чтобы должным образом зафиксировать событие в документах Третьего рейха.

Удовлетворённый своей службой Гитлеру, он глубоко вздохнул, расстегнул длинный кожаный плащ и повернулся к лимузину «Мерседес». Не успел оберфюрер сделать двух шагов, как выкрик на ломаном немецком помешал ему сесть в машину. Толстощёкий солдат подбежал к фон Аугсбургу, отдал честь, вытянулся по струнке и надрывающимся от страха голосом сообщил, что остался ещё один грузовик, полный людей.

– Господин командующий, грязь и упавшее от удара молнии дерево помешали грузовику следовать за конвоем. Ещё сорок или чуть больше жидов и всё. Они прятались в подвале сгоревшей синагоги. Вода выгнала крыс на поверхность. Их отловили наши ребята из карательных отрядов. Это ерунда, мы сами их прикончим. Не стоит Вам пропускать ужин.

Значит, этот идиот решил, что дело пустяковое. Как можно забыть про целый грузовик полуживых евреев? И сказать ему теперь, в этот поздний час, после того как работу за целый день уже забросали метром земли. Симметрия, которой так гордился офицер СС Аугсбург, была нарушена из-за чужой некомпетентности. Он нахмурился и потянулся за парабеллумом.

И что мне теперь делать с четырьмя десятками жидов? Попросить прежних сто двадцать подвинуться ради братьев своих? Невысказанная мысль сопровождалась резким желанием кого-нибудь пристрелить. Ради примера. Как наказание за тупость. Но ведь это же украинцы, никуда негодный подвид. А остальные – раболепные прибалты, жаждущие натравить немцев на русских. Он хорошо понимал ситуацию и с радостью подписал бы контракт с дьяволом, лишь бы заполучить в своё распоряжение дюжину бойцов штурмовых отрядов. Вырисовывалось несколько вариантов, и все требовали времени. Но было поздно, а лучший выход – самый простой. Оставить грузовик работать на всю ночь, пусть углекислый газ сделает своё дело, а утром вырыть новую канаву. Конечно, можно приказать солдатам копать ров всю ночь и избавиться от тел, пока он спал. Однако отдать им на откуп такую работу было не в характере оберфюрера. Он справился с гневом, не желая впускать его в личную жизнь, и принялся проговаривать указания вслух, когда звук приближавшегося транспорта прервал поток его мыслей.

Всё верно. В жизни человек редко получает, что хочет. Иногда даже простые объятия членов семьи или поцелуи любимых оказываются недоступны. Эсэсовец Йоахим фон Аугсбург хотел отпустить украинца, забыть на время о работе с её неудовлетворительными результатами и, обойдя растущую лужу, сесть в лимузин. Мантас, предвидя желания начальника, аккуратно

открыл дверь, продолжая держать над его головой зонт. Но, когда литовец уже занял водительское кресло, мотоцикл DKW с коляской перерезал путь и остановился в свете фар. Пока Мантас включал дворники на лобовом стекле, фон Аугсбург, не теряя хладнокровия, опустил боковое. Он разглядел оснащённую пулеметом коляску и стоящего в ней солдата специального карательного отряда СС со «шмайссером» в руках. Это было не просто военное транспортное средство. Курьер, уполномоченный доставлять секретные распоряжения из центрального штаба фашистов. Оберфюрер наблюдал, как мотоциклист сошёл на землю и пробирался сквозь мёрзлую жижу.

– Heil Hitler!

Молодой унтерштурмфюрер СС встал по стойке смирно, вытянул правую руку на уровне глаз и распрямил ладонь. Он подождал, пока вышестоящий офицер выйдет из «мерседеса», затем произнёс ответное приветствие.

– Sieg Heil.

Мантас выскочил из автомобиля в самую грязь и открыл зонт. Курьер расстегнул кожаную сумку, достал цилиндр и передал его офицеру фон Аугсбургу.

– Сэр, Вам необходимо безотлагательно проследовать со мной на аэродром. Самолет до Берлина ждёт. Русские вторглись на территорию Прибалтики. Они уже здесь вместе с партизанами. Времени очень мало.

Фон Аугсбург достал бумаги из цилиндра, надел очки, приблизился к фарам «мерседеса», опустил на одно колено и стал читать. На подписи рейхсфюрера СС, одного из руководителей Национал-социалистической партии, стояла печать с фашистской свастикой. Вариантов не было. Он должен улететь в Берлин, не оставив после себя ни записей, ни свидетелей. Однако дата отъезда странным образом не значилась.

– Я не могу уехать немедленно. Это невозможно! Я не брошу жену и дочерей. Что мне прикажете делать здесь? Смести мусор под коврик и сбежать? И где Вы увидели «безотлагательно»? В моих инструкциях об это ничего не сказано.

Голос выдавал едва сдерживаемый гнев, но за рамки приличий Йоахим фон Аугсбург не вышел. Курьер молча стоял, уже не так вытягиваясь по струнке, и дождь барабанил по его брезентовому плащу. Унтерштурмфюрер ждал своей очереди говорить, соблюдая субординацию и сознавая, что повлечет за собой проявленное неуважение к оберфюреру СС.

– Сэр, я не имею права читать Ваши предписания. Моя задача уведомить Вас, что сегодня вечером самолёт в Вашем полном распоряжении. Мои устные инструкции и выраженные опасения исходят непосредственно от обер-лейтенанта люфтваффе Риттера. Жду Вашего приказа!

Унтерштурмфюрер снова вытянулся по стойке смирно и отдал честь в знак уважения к высшему руководству. Йоахим фон Аугсбург знал, что обер-лейтенант Риттер очень серьёзный офицер, к тому же добрался до высших чинов ещё достаточно молодым. Берлин ждал. Но сначала нужно закончить дело. Ничего трудного, хотя и немного грязно. Это противоречило его собственному стилю, но кое-что приходится проглатывать не прожевав.

– Да, да, мой юный унтерштурмфюрер. Sieg Heil. Разместитесь пока там и поставьте пулемёт возле хозяйственного тента. Ждите моих приказов. Разбудите напарника. Пусть держит палец на спусковом крючке.

Йоахим фон Аугсбург решил свою дилемму. Он всегда умел думать на ходу, даже когда говорил или слушал других. В этом был его талант, благодаря которому он мог выстраивать логические цепочки не отрываясь от дел. Этот особый дар очень помогал ему. Он повернулся к Мантасу и велел поставить «мерседес» в тридцати метрах от хозяйственного тента, передними фарами к сосновой роше.

– Заведи мотор и оставь его так. Затем иди к грузовику и скажи водителю выезжать из леса. Пусть сдаст к тем деревьям, что освещены фарами. Вон там, рядом со рвом. Schnell,

Schnell. Выпустите жидов. Выгоняйте их наружу. Стреляйте в живых, и не тратьте патроны на мёртвых. Пошевеливайтесь. В такую погоду на улицу и собак не выгоняют.

Ещё один грузовик. Ещё несколько евреев и назад в Берлин с женой и детьми. Как всегда просто. Кратчайший путь из одной точки в другую всегда проходит по прямой. Он наблюдал, больше не заботясь о своих начищенных сапогах и проливном дожде, бьющем по кожаному плащу. Исполняя приказ, Мантас направлял трёхосный грузовик, пока тот неуклюже сдавал назад, а водитель ждал сигнала тормозить. Украинцы открыли затвор и откинули задний борт. Стали вываливаться люди. Некоторые кричали, ударяясь о землю, другим удавалось спрыгнуть. Оберфюрер фон Аугсбург щёлкнул пальцами, давая команду пулемётчику в коляске мотоцикла открыть огонь. Всякий, кто мог стоять, был подкошен первой же пулемётной очередью. В результате за грузовиком образовалась груда горячей кровоточащей плоти. Мантас велел водителю отъехать на несколько метров, чтобы увидеть, не спрятался ли кто под колёсами.

Обнаружилось несколько мокрых тряпичных кукол. По крайней мере, в глазах фон Аугсбурга женщины и дети выглядели именно так. Найденных швырнули в общую кучу, словно отбракованный мусор, смешав их рвоту, менструальную кровь и испражнения с выделениями и мозговой жидкостью их мужчин. Вонь была нестерпимой. Разносимая ветром, она попадала в ноздри наблюдавших за операцией.

– Отличная работа, gut gemacht, gut gemacht kameraden!¹

Теперь завалите всё сосновыми ветками. Сделайте аккуратную рождественскую горку. Прикройте на ночь, чтоб не замёрзли. Завтра утром запихнёте их промеж друзей. Земля просядет, найдётся место и для компании.

Все рассмеялись, довольные, что их старания пришлись по вкусу начальству. Они вконец измотались, насквозь промокли, зверски проголодались и, получив шанс отдохнуть, хотели как можно скорее закончить работу. Фон Аугсбург подозвал Мантаса к лимузину, который по-прежнему был заведён. Он спросил, немец ли водитель грузовика. Мантас кивнул и тут же получил распоряжение отпустить водителя. Курьер на мотоцикле и его стрелок не меняя позиции наблюдали за украинцами. Те штыками и ножами обрубали сосновые ветки, чтобы, как приказали, накрыть ими пышущую плоть.

– Довольно, ребята, довольно. Хватит на сегодня. Время отдыхать. Schnell, Schnell... Вас ждет палатка. Там есть водка, шнапс, пиво и куча американских консервов. Закончите работу завтра. А сейчас ешьте, пейте и спите. Heil Hitler! Gute Nacht. Gute Nacht.²

Десяток с лишним уставших новобранцев СС дождались вождя приказом. После целого дня с лопатой в руках их ладони пузырились мозолями, а промокшие тела ныли от боли. Еда, питье и сон манили их в хозяйственный тент, подальше от непрерывного дождя, в сухое место с армейской дровяной печью, шерстяными одеялами и дюжиной складных коек. Рай посреди ада.

Вернулся Мантас. В его глазах читался вопрос, но он держал язык за плотно стиснутыми зубами. Увидев, как разношёрстный отряд негерманских солдат СС вошёл в тент, литовец решил, что командир отправится в свой временный дом и штаб. Задавать вопросы было запрещено. Только ответы имели значение. Он не читал приказа фон Аугсбурга, но слышал устный доклад унтерштурмфюрера СС. Ему не давала покоя мысль о местных партизанах, воевавших за русских на литовской земле. Он ненавидел славян, русских вообще, а русских евреев в особенности. У немцев, конечно, были свои недостатки. Но, по крайней мере, с ними объединяла ненависть к красным. На том и держался добровольный союз. Сейчас Мантасу нужен был знак, подтверждение, что недочеловеки во главе с большевистскими комиссарами

---

¹ Хорошая работа, хорошая работа, ребята (нем.)

² Слава Гитлеру! Доброй ночи. Доброй ночи. (нем.)

не смогут победить Германию. Он увидел, как фон Аугсбург указал на «мерседес». Фары по-прежнему работали, освещая гору сосновых веток.

– Иди, подгони мой автомобиль. Вели мотоциклисту и его напарнику подъехать на это место. И выключите фары. Schnell.

Было темно. Полный мрак нарушал лишь сочившийся из тента свет. Как всегда голова фон Аугсбурга опережала его действия на несколько шагов. Он получил чёткий приказ из Ставки Верховного Командования и как оберфюрер СС намеревался исполнить всё в точности. Буря затихала, унося с собой ледяной ливень. Только молнии рассекали вдалеке серое небо и временами доносились громовые раскаты. Можно было курить и ждать, пока люди в палатке наедятся и упьются до беспамятства. Он наблюдал, как одни с лопатами уходили гадить в лес, а другие мочились тут же с бутылкой водки в руках. Мантас подъехал к военачальнику СС, мотоциклисты следом за ним. Фон Аугсбург бросил молодым курьерам пачку сигарет, отчего их мрачные лица просияли улыбками. Затем он взглянул на Мантаса и привычным щелчком пальцем подозвал к себе.

– Открой багажник. Поешь сам и накорми ребят. Как закончите, принесёшь мой автомат и все обоймы.

В багажнике «мерседеса» фон Аугсбурга, в левом углу Мантас нашёл разнообразную провизию, аккуратно уложенную в коробки из гофрированного картона: швейцарский шоколад, французский коньяк, вездесущие консервы, банки с греческими оливками и сардинами, несколько бутылок бельгийского пива и американские сигареты «Lucky Strike». Было ещё много чего, но Мантас начал с шоколада и сардин. Он повертелся туда-сюда, стоя по щиколотку в грязи и бросая продукты мотоциклистам, а потом сам сдержанно принялся за еду, заботясь о том, как выглядит в глазах командира-арийца.

Вольно. Они ели. Курили. Ганс и Эрик назвались, когда их имена спросили, но говорили очень мало, глубоко затягиваясь «Lucky Strike», ждали, пока старший по званию офицер покончит с оливками и вином. Обоим казалось, что уходящая буря с её громом и молнией ещё вернётся и отомстит. Меньше чем в двадцати метрах в прямоугольном рву под слоем свежей земли сто двадцать тел отдавали последнее тепло, задержавшееся в их изуродованной плоти. Слева были навалены трупы стариков, женщин и детей. Получившийся холм прикрывали мокрые сосновые лапы. В остальном было всё в порядке. Только время вело себя странно. Так, по крайней мере, казалось четырём мужчинам, вынужденным сдерживать свои биологические потребности. Стоящий у кромки хвойного леса тент больше не гремел голосами, тени замерли. Был слышен храп и покашливание. Кто-то напевал под нос. Оберфюрер СС фон Аугсбург проглотил последнюю оливку, взглянул на часы, поправил фуражку и очки и вставил магазин в автомат. Шёпотом сказал.

– Пришло время поработать, парни. Ганс, ты с пулемётом прикроешь тент справа. Эрик и я возьмём не себя вход. А ты, Мантас, достань из багажника гранаты. Трёх-четырёх будет достаточно. Встань позади меня и бросай, когда скажу.

Все понимали, о каком объекте говорил оберфюрер. Они видели, как он засунул в кожаные карманы ещё два 32-зарядных съёмных магазина. Вопрос повис в воздухе. Как бы то ни было, обречённые на смерть люди были членами СС. Оберфюрер прошептал.

– Стреляйте понизу. Там все лежат. Никакого перекрёстного огня. Никто не должен покинуть тент. Займите позиции и ждите моей первой очереди.

Отличное было ощущение. Почти как устраивать русским засаду на Восточном фронте. Наконец-то небольшая тактическая операция по зачистке и как минимум с двумя чистокровными арийцами. Один даже истинный унтерштурмфюрер СС. Командование настоящими солдатами опьяняло фон Аугсбурга. Куда лучше, чем смотреть, как одна группа недочеловеков истребляет другую. Коварная четвёрка крадучись заняла условленные позиции. Её одолевал охотничий голод. Полковник фон Аугсбург незаметно подобрался к тенту и откинул брезенто-

вый край, служивший дверью. В приглушённом свете фонарей он разглядел неспящего человека с оголённым торсом, который склонился над печью, чтобы взять чайник. Тот медленно повернулся и, увидев знакомое лицо оберфюрера, хотел было отдать честь, когда автоматная очередь прошла ему грудь.

Тент содрогнулся от выстрелов, пронзавших всё, что было в метре от земли. Тела трепыхались, как свежельвовленная рыба на льду, забрызгивая кровью подпорки и стенки тента. Фон Аугсбург опустошил магазин, отшвырнул его в сторону и крикнул Мантасу бросать ручные гранаты. Они побежали. Оберфюрер прокричал:

– На землю, лицом в землю. Быстро, быстро, быстро.

Короткой трёхсекундной задержки хватило, чтобы отыскать дерево или броситься в грязь. С практической точки зрения в гранатах не было нужды. Излишество, чтобы потешить самолюбие. Двести выстрелов на восемь спящих и одного несчастного, которому пришлось увидеть всё своими глазами. Но в пылу сражения фон Аугсбургу и этого показалось мало. Когда два взрыва сорвали верхушку тента, он снова вошёл внутрь и сделал каждому контрольный выстрел в голову.

– Этим ублюдкам нельзя доверять. Они наложат в штаны и расскажут всё русским. Чего они ждали? Что мы отдадим им свободную Украину? Лишь за то, что помогали убивать жидов? Глупцы, нам нужна Украина ради зерна. Женщины будут работать в полях, а мужчины отведают нашего хлыста. Ганс, вы с Эриком переночуете у меня дома, а утром наведёте здесь порядок. Только немцам, только немцам можно доверять. Как только доберусь до лётного поля, я прикажу обер-лейтенанту Риттеру прислать вам в помощь отряд. Теперь поехали. Мантас, хватит стоять там пускать газы. Мои жена и дочери ждут. Schnell, Schnell. Ребята поедут за нами.

Всю дорогу Мантас молчал. В тенте среди мёртвых украинцев было по меньшей мере три литовца и один эстонец, все верные солдаты СС, добровольно служившие Третьему рейху. Снова и снова он смотрел в зеркало заднего вида. Но не на плетущийся сзади мотоцикл, а в лицо фон Аугсбурга, его оберфюрера, человека, который только что однозначно разделил людей на арийцев и всех остальных.

Они подъехали к воротам особняка, ставшего на время штаб-квартирой командующего. Тот считал приказ возмутительным, но собирался в течение часа уехать вместе с семьёй. Нужно было сжечь кое-какие записи, другие сложить в портфель. Такой поворот шокировал жену. Ей нравился бывший особняк мэра, и она ужасно боялась летать. Однако с приходом русских на литовскую землю других вариантов не оставалось. Детей вытащили из постелей и одели по погоде. Мантас заправил «мерседес» из канистр в гараже и проводил жену и дочерей фон Аугсбурга во внутренний двор. Он сел за руль и стал ждать командира.

Оберфюрер СС не тратил времени даром. Он похвалил курьеров Ганса и Эрика, велел им не проспать и, если потребуется, ещё раз выровнять место погребения и пересадить на потревоженную территорию местные растения. По традиции он обещал Гансу и Эрику повышение, отдал честь и удалился. Дорога до военного аэродрома была унылой. Буря утихла, но продолжал моросить мелкий дождь. Хельга фон Аугсбург не давала мужу покоя из-за предстоящего перелёта, его длительности, жилищных условий в Берлине, школы для детей, одежды, которую она не смогла взять с собой. В конце концов разгневанный фон Аугсбург, вежливый и почтительный немецкий джентльмен, офицер и терпеливый муж, злобно прикурил сигарету и затянулся, зная, как жена ненавидит эту дурную привычку. Он долго-долго держал в лёгких дым и выдохнул, даже не открыв окна. Потом обернулся к жене с таким выражением лица, которого она прежде не видела.

– Моя дорогая фрау, когда сюда нагрянут толпы русских, они изнасилуют тебя и твоих дочерей водочными бутылками, а то, что от вас останется, выбросят волкам. Так что, милая, закрой свой распущенный рот и благодари нашего фюрера Адольфа Гитлера, который предоставил нам пассажирский самолёт.

Мантас, не отрывая глаз от неровной дороги, одобрительно кивнул, подтверждая правоту сказанных слов. Без сомнения, русские вместе со своими монголами просто нелюди, достойные лишь рабства или смерти. Мантас был согласен, однако сейчас, увидев, как командир безжалостно расправился с его соотечественниками, беспокоился вовсе не о русских. Через полчаса машина подъехала к охраняемым воротам. Вооружённые пулемётами часовые СС выполнили все формальности, проверив удостоверения, и проворно отдали честь старшим по званию. Было ясно, что это особый рейс. Обер-лейтенант люфтваффе Риттер вышел из своего тамошнего жилища, чтобы лично встретить оберфюрера Йоахима фон Аугсбурга и его семью. Их жесты и мимика, объятия и поцелуи, в том числе с женщинами, говорили о давнем знакомстве. Мантас вынул из багажника несколько сумок и ждал, желудок его завязался спастическим узлом. Момент истины настал, когда фон Аугсбург отправил семью в ангар и подошел к Мантасу с протянутой рукой.

– Мантас, мой друг! Три года ты мне служил во имя нашего доблестного фюрера. Вот код от моего личного сейфа. В нём кое-какие безделушки. Их евреи оставили без присмотра. Теперь они твои. Новости далеко не радужные. К сожалению, не могу сказать тебе «Sieg Heil», но, расставаясь, отдаю честь твоей верности. Heil Hitler.

Мантас, человек далеко не религиозный, сев за руль «мерседеса», разрыдался и стал молиться. Какой подарок судьбы! Он начал напевать себе под нос, а потом всё громче и громче. Мелодия не шла из головы до тех пор, пока он не открыл настенный сейф оберфюрера Йоахима фон Аугсбурга. Там было пусто. Раздался щелчок. Мантас обернулся и успел увидеть лишь арийскую улыбку Эрика и маузер в его руках. Мелодия в голове оборвалась.

Часть вторая

Вдалеке один за другим раздавались выстрелы. Двое отсиживались на сеновале под ветхой крышей опустевшей конюшни, ставшей для них домом. Свиной, кур и коров давно продали или украли. Считать, что нужда – мать всех изобретений, могут лишь кабинетные идеалисты. На деле крайнее моральное разложение сильнее всякой долбанной мотивации. Как долго протянет человек на варёных корешках и грибах, пока его разум не утратит связь с реальностью и не начнёт жить иллюзиями, забыв об элементарной осторожности? Голод сводит с ума раньше, чем галлюцинации притупляют страх смерти. Милла ненавидела Тибора, как иные сестры ненавидят братьев, с той лишь разницей, что связь их была не кровная, а плотская. Но он помогал ей выжить и планировал вытащить отсюда, вернуть обратно в Финляндию. Этот опасный до безрассудства замысел был хоть каким-то шансом. Конечно, можно дожидаться русских и даже притвориться партизанами. Но подбросить монетку – и то вернее. Орёл – и вас с распротёртыми объятиями примут в Красную армию. Решка – перережут горло. В любом случае, если провалится план Тибора, обе эти возможности никуда не денутся. А может, и денутся. Если немцы поймают с поличным, убьют на месте.

Укрытые замшелыми, прогнившими от времени брёвнами и многолетним слоем листвы, они видели, как евреев лишали жизни. Это было безобразно, нестерпимо, за гранью понимания. И все же перед глазами двух зрителей разыгрывалась адская пьеса, переписать которую было невозможно. Все участники казались совершенными безумцами. Должен же кто-то очнуться и попытаться остановить эту бойню. Или хотя бы смыть кровь с рук и сказать: «Хватит, я больше не могу».

Милла старалась не смотреть, уткнувшись носом в гниющие листья и потеряв счёт времени. В её голове проклятия перемешались с молитвами. Она нашёптывала эпитафии и ждала, когда солдаты забросают ров и уйдут.

– Что, если они останутся на ночь? Что тогда? Это глупо. Весь твой замысел – полная чушь.

Тибору было не до поучений. Он превратился в грызуна, полностью поглощённого запахом мяса, жареного мяса. Оттенок сладковатый – значит, не сосиски, но точно мясо. Он злобно ткнул Миллу под ребро и прищурился, пытаясь разглядеть, действительно ли все ушли. Будучи далеко не глупцом, Тибор понял всё, что здесь происходило, кроме обстрела тента. Что он мог поделаться? Локомотив не остановишь, вставляя ему палки в колёса. У русских был свой локомотив, готовый сокрушить немецкий поезд. Однако он не собирался стоять на рельсах, дожидаясь пока два состава столкнутся. В нынешней ситуации было больше хорошего, чем плохого. Во-первых, прекратился проливной дождь, и осталась только морось. Ещё им не придётся откапывать тела. В десяти метрах вниз по склону и в полном их распоряжении была груда еврейских трупов, прикрытая сосновыми ветками. Кроме того, из тента, полного мёртвых солдат, пахло мясом. Большой «мерседес» уехал, а за ним и мотоцикл. Всё складывалось как нельзя лучше. Фашисты, конечно, вернуться, сомневаться не приходилось. Может, с рассветом. Дурью маяться было некогда. Мысленно он повернулся к Милле. Пришло время действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.